

№ 10.

Всемирный Вѣстникъ.

1905.

Октябрь.

Къ исторіи перваго университета въ Сибири.

(1875—1899 гг.)

Памяти В. М. Флоринскаго.

Учрежденіе перваго университета въ Сибири, по исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ она находилась, ощущая постоянно недостатокъ въ образованныхъ людяхъ по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной дѣятельности, было особымъ выдающимся историческимъ событіемъ въ ея жизни.

Вопросъ о расширеніи образованія являлся существеннѣйшимъ въ Сибири, такъ какъ все лучшее наиболѣе способное, что воспитывалось въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и стремилось получить высшее образованіе, убывало въ Европейскую Россію и рѣдко возвращалось въ Сибирь. Поэтому Сибирь представляла странное, исключительное явленіе—это было общество безъ образованнаго молодого поколѣнія.

Необходимость созданія въ Сибири высшаго учебнаго заведенія сознавалась какъ многими выдающимися русскими государственными дѣятелями, ревнителями просвѣщенія, такъ и мѣстнымъ—сибирскимъ обществомъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ, еще съ конца XVIII столѣтія, неоднократно проявлялись весьма опредѣленные стремленія къ осуществленію этой идеи.

По мѣткой характеристикѣ сибирскаго историка, публициста и патріота Н. М. Ядринцева, университетскій вопросъ среди неприглядныхъ сумерекъ сибирской жизни, былъ единственнымъ вопросомъ, освѣщавшимъ царившій мракъ и соединявшимъ около себя общественныя симпатіи.

Шестидесятые годы минувшаго столѣтія, столь богатые надеждами на будущее и ознаменованные великими освободительными реформами, не могли не вызвать ожиданій и въ

отдаленной Сибири, сосредоточившейся на завѣтныхъ идеяхъ объ освобожденіи отъ ссылки и созданіи университета.

Въ этотъ періодъ мысль объ университетѣ была особенно излюбленною у молодыхъ выступавшихъ сибирскихъ писателей Н. М. Ядринцева, Г. Н. Потанина, С. С. Шашкова, А. П. Шапова и др.

Объ этомъ писались статьи не только въ столичныхъ журналахъ и газетахъ, но и въ мѣстныхъ—сибирскихъ органахъ періодической печати.

Сибирскіе „Губернскія вѣдомости“ того времени представляютъ цѣлый рядъ свѣжихъ литературныхъ статей по вопросамъ объ абсентеизмѣ интеллигентныхъ силъ и о необходимости поднятія уровня просвѣщенія въ краѣ учрежденіемъ университета.

Тогда же читались публичныя лекціи въ Иркутскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ, Омскѣ. Особеннымъ одушевленіемъ отличались лекціи С. С. Шашкова и Н. М. Ядринцева.

Проектировалось цѣлое общество для сбора пожертвованій на сооруженіе университета.

Сибирская публицистика, пропагандировавшая мысль объ учрежденіи университета въ Сибири, увлекалась одновременно сепаратическими вѣяніями, видя въ университетѣ не только спасительное средство противъ убѣга молодежи изъ области, но и возможность развитія понятій о гражданскихъ обязанностяхъ у сибирской молодежи въ сферѣ сибирскихъ областныхъ вопросовъ.

По свидѣтельству Н. М. Ядринцева, наиболѣе выяснявшаго областное значеніе Сибирскаго Университета, вопросъ объ университетѣ сосредоточивалъ въ то время всѣ надежды и идеалы будущаго, онъ отождествлялся вообще съ лучшею будущностію края, на немъ покоилась вся сила убѣжденія и жаръ молодого сердца. Онъ сдѣлался не чуждъ и массѣ населенія. Послѣдній горожанинъ, послѣдній мѣщанинъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ говорилъ объ университетѣ.

Бѣдные городскіе классы въ Сибири и мелкіе чиновники были заинтересованы въ немъ болѣе чѣмъ кто-либо, такъ какъ въ Сибири, за ограниченнымъ составомъ землевладѣльческаго класса и за неимѣніемъ крупнаго и богатаго дворянства, контингентъ гимназій наполняется почти исключительно бѣдняками.

Энергичное ходатайство, сдѣланное въ 1875 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, генералъ-адъютантомъ Ни-

колаемъ Геннадіевичемъ Казнаковымъ при вступленіи въ управленіе краемъ, о необходимости высшаго образованія въ Сибири, поставило вопросъ объ учрежденіи въ Сибири университета на почву дѣйствительнаго осуществленія. 25 апрѣля 1875 г. Императоръ Александръ II, признавъ предположенія генераль-адъютанта Казнакова вполне уважительными, повелѣлъ: „поднявъ уровень общаго образованія, дать возможность сибирскимъ уроженцамъ приготовить изъ своей среды людей свѣдущихъ и образованныхъ, въ числѣ, по меньшей мѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія и по ближайшему и всестороннему обсужденію этого предмета, повергнуть черезъ министра народнаго просвѣщенія на Высочайшее возрѣніе соображенія объ учрежденіи общаго для всей Сибири университета“.

Въ томъ же 1875 г. (3 ноября) Н. Г. Казнаковъ прислалъ изъ Омска въ министерство народнаго просвѣщенія свое представленіе объ университетѣ, которое немедленно было рассмотрѣно въ особой комиссіи при министерствѣ, состоявшей изъ профессоровъ Ходнева, Васильевского, Пахмана, В. М. Флоринскаго и члена совѣта министра народнаго просвѣщенія Георгіевскаго, а затѣмъ благодаря сочувствію бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, проектъ объ университетѣ 27 мая 1876 г. препровожденъ былъ въ Государственный Совѣтъ.

Мѣстомъ основанія университета по выработанному проекту, согласно предположенію Н. Г. Казнакова, былъ избранъ Омскъ.

Славянское движеніе за Дунаемъ и война съ Турцією въ 1876—1878 гг., какъ и финансовыя обстоятельства Россіи, отодвинули этотъ, почти рѣшенный вопросъ, на второй планъ и пріостановили на время практическое осуществленіе начатаго дѣла. ✓

Въ этотъ періодъ застоя въ рѣшеніи вопроса о Сибирскомъ университетѣ, Василій Марковичъ Флоринскій, занимавшій должность экстраординарнаго профессора медико-хирургической академіи и состоявшій членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, оставилъ службу въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, будучи приглашенъ къ дѣятельному участию въ Высочайше утвержденную комиссію подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова, на которую возложенъ былъ пересмотръ общаго университетскаго устава 1863 г.

Съ этого же времени, В. М., считавшій себя сибирскимъ уроженцемъ, связалъ свою служебную дѣятельность съ нарождавшимся первымъ Сибирскимъ университетомъ и затѣмъ до 1899 г. т. е. въ продолженіи 23 лѣтъ не было ни одного момента въ исторіи этого университета, когда бы онъ не принималъ своего участія.

Независимо отъ разныхъ комиссій, учреждавшихся по этому поводу, въ которыхъ онъ былъ непремѣннымъ членомъ и редакторомъ журналовъ и трудовъ, онъ велъ обширную официальную и частную переписку съ разными учрежденіями и лицами по всѣмъ вопросамъ, касающимся Сибирскаго университета.

Познакомясь со мною еще въ 1870 г. и навѣщая по специальности врача мою семью, В. М. часто дѣлился со мною многими интересовавшими его общественными и научными вопросами и узнавъ въ 1876 г., что я отправляюсь по приглашенію генераль-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова въ Томскъ, на должность предсѣдателя губернскаго правленія, просилъ меня доставить ему возможно точныя статистическо-экономическія данныя о положеніи тѣхъ городовъ Сибири, которые намѣчались для учрежденія Сибирскаго университета.

Просимыя данныя потому являлись особенно необходимыми, что избраніе мѣста для университета получало перво-степенное значеніе для края, въ виду несогласія между собою предположеній главной администраціи Западной Сибири, съ ходатайствами большинства сибирскихъ городовъ.

Еще въ 1803 г., по мысли перваго жертвователя на Сибирскій университетъ Павла Григорьевича Демидова, мѣстомъ для основанія университета предполагался Тобольскъ, но этотъ городъ уже давно потерялъ свое первенствующее значеніе въ Сибири. Въ 1860-хъ годахъ пропагандировалось основаніе университета въ Иркутскѣ, но въ послѣдствіи неоднократно высказывались преимущества Томска, какъ центральнаго пункта для Западной и Восточной Сибири. При поднятіи вопроса объ университетѣ въ 1875 г., большинство полагало, что выборъ падеть на Томскъ, какъ на самый видный городъ Западной Сибири, обладающій всѣми условіями, необходимыми для университетскаго города.

Такое же было ожиданіе жертвователя Захарія Михайловича Цибульскаго, давашаго въ числѣ первыхъ 100.000 руб. на основаніе университета въ Томскѣ. По административ-

1899
1880
19

нымъ соображеніямъ въ проектѣ, представленномъ Н. Г. Казнаковымъ въ Государственный Совѣтъ, всѣ доводы приводились въ пользу Омска.✓

Мысль избранія резиденціей университета Омска противорѣчила интересамъ всей Сибири и общества, вызвавъ многіе протесты. Общественное мнѣніе Сибири весьма рѣшительно выступило противъ Омска.

Сибирскія городскія общества по этому поводу составляли многочисленные адреса и представленія, ходатайствуя за выборъ Томска,✓ мѣстная и столичная печать также отдавали предпочтеніе Томску.

Составивъ подробную статистическо-экономическую записку о положеніи городовъ Западной Сибири, я препроводилъ ее 10 іюля 1877 г. изъ Томска въ распоряженіе В. М. Флоринскаго съ многими документами и планами для всесторонняго обсужденія дѣла и наиболѣе правильнаго рѣшенія вопроса объ избраніи резиденціи первому Сибирскому университету.

Оцѣнка сообщенныхъ мною матеріаловъ и то рѣшающее значеніе, какое они имѣли при выборѣ мѣста для университета, выражались въ письмахъ Василія Марковича ко мнѣ, въ которыхъ онъ подробно описывалъ все положеніе дѣла о борьбѣ за университетъ, излагая свои взгляды о наилучшемъ устройствѣ и будущемъ значеніи Сибирскаго университета.

5 августа 1877 г. В. М. писалъ мнѣ изъ С.-Петербурга:

„Сейчасъ получилъ вашу записку и съ величайшимъ вниманіемъ прочиталъ всѣ заключающіеся въ ней документы. Не знаю какъ и благодарить васъ. Присланныя свѣдѣнія болѣе чѣмъ удовлетворительны и все, что нужно было намъ знать, все, что мы предполагали имѣть въ подтвержденіе нашихъ доводовъ въ пользу Томска, я нашелъ въ вашей запискѣ и приложеніяхъ, такъ что съ этимъ оружіемъ мы спокойно можемъ ждать предстоящаго сраженія съ Омскими депутатами. Я надѣюсь, что мы побѣдимъ и было бы странно не имѣть успѣха въ дѣлѣ совершенно справедливомъ и ясномъ для всѣхъ знающихъ это дѣло, не желающихъ искажать его по личнымъ симпатіямъ и эгоистическимъ соображеніямъ.

„Вдвойнѣ благодаренъ вамъ за сочувствіе къ Томску, за вашъ личный большой трудъ, за вашу искренность и прав-

дивость. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, думать не только о процвѣтаніи, даже о существованіи Сибирскаго университета въ Омскѣ, гдѣ онъ былъ бы мертворожденнымъ созданіемъ, вѣчнымъ укоромъ нашего незнанія и непредусмотрительности. Къ сожалѣнію, весной нынѣшняго года дѣло стояло такъ, что 14 мая были всѣ шансы на утвержденіе университета именно въ Омскѣ. Я чутьемъ понималъ всю непрактичность такого рѣшенія, которое не только не удовлетворило бы потребностямъ сибиряковъ, но послужило бы въ явный ущербъ и самому университету.

„Нужно было употребить всѣ средства помѣшать такому рѣшенію, * что до извѣстной степени и удалось: дѣло отложено до осени и для обсужденія вопроса о выборѣ мѣста для университета составлена особая коммисія, въ которой состою и я съ Александромъ Ивановичемъ Деспотъ-Зеновичемъ. Вы поймете теперь, на сколько намъ были нужны присланные вами свѣдѣнія и какъ я благодаренъ вамъ за нихъ. Если мы выиграемъ дѣло, въ чемъ я почти не сомнѣваюсь, то Томскъ и Сибирскій университетъ вамъ будутъ много обязаны благопріятнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса.

„Очень радъ, что вы прислали подробные планы отведенной подъ университетъ земли. Они намъ нужны въ особенности: чтобы отпарировать одинъ изъ доводовъ Н. Г. Казнакова, будто въ Томскѣ нѣтъ удобнаго мѣста для постройки университетскихъ зданій (странный доводъ); для соображенія по проектамъ построекъ, которые предполагается выработать нынѣшнею осенью въ особой коммисіи изъ профессоровъ и лучшихъ петербургскихъ архитекторовъ, гдѣ также буду участвовать и я. Копіи съ мнѣній городскихъ обществъ тоже будутъ очень полезны; на нихъ можно сослаться какъ на общій голосъ сибиряковъ, что тѣмъ болѣе важно, что Н. Г. Казнаковъ высказался будто бы сибирскіе города въ этомъ отношеніи совершенно индифферентны, а мы въ своихъ рукахъ имѣли противъ этого весьма слабые документы. Остальные числовыя данныя изъ вашихъ свѣдѣній также очень важны и мы ими въ должной мѣрѣ воспользуемся. Извините меня, что я долго не отвѣчалъ на вашу телеграмму. Болѣе мѣсяца я провелъ внѣ Петербурга въ Либавѣ, гдѣ нынѣшнее лѣто живетъ моя семья. Надѣюсь, что запоздалый отвѣтъ мой не послужитъ поводомъ къ отправкѣ депутаціи. Было бы очень жаль, если бы эта депу-

тація состоялась теперь, такъ какъ, за отсутствіемъ Государя, министра народнаго просвѣщенія и вообще всѣхъ лицъ, имѣющихъ отношенія къ вопросу о Сибирскомъ университетѣ, она принуждена была-бы очень долго оставаться въ С.-Петербургѣ безъ всякой цѣли. Я не думаю даже вообще, чтобы депутація эта имѣла особенное значеніе, если она намѣрена была выражать только личныя просьбы и ходатайства. Въ пользу дѣла гораздо болѣе будутъ говорить факты и цифры, которые мы теперь имѣемъ, а личныя просьбы и вліянія на убѣжденія лицъ, власть имѣющихъ, мы постараемся пустить въ ходъ, можетъ быть съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ неизвѣстные члены депутаціи. *Я считаю это дѣло слишкомъ близкимъ моему сердцу, чтобы упустить какой бы то ни было случай повліять на благоприятное его разрѣшеніе.* Впрочемъ, если бы въ силу какихъ либо особенныхъ соображеній и обстоятельствъ, депутація впоследствии оказалась полезною и необходимою, то я извѣщу Васъ объ этомъ заблаговременно.

„Было бы гораздо полезнѣй пропагандировать между Томскимъ купечествомъ мысль о будущихъ пожертвованіяхъ въ пользу Томскаго университета. Въ вашей запискѣ я нашелъ свѣдѣнія, что приказъ общественнаго призрѣнія въ Томскѣ предполагаетъ расширить городскую больницу и имѣть на это средства. Эта статья очень хорошая. Еще было бы лучше, если бы Томское городское общество или вообще добрые сибиряки, послѣ утвержденія университета въ Томскѣ, рѣшились выстроить сами и на свой счетъ, по крайней мѣрѣ, часть факультетскихъ клиникъ. Денегъ на постройку университетскихъ зданій у насъ очень мало, всего предполагается отпустить 600.000 руб., считая въ томъ числѣ капиталы Цибульскаго и Демидова. На эти деньги можно выстроить хорошій главный корпусъ и корпусъ анатомическаго института, наврядъ ли много останется на постройку клиникъ и другихъ вспомогательныхъ учреждений. Поэтому всякое лишнее зданіе было бы для дѣла очень полезно. Эта форма пожертвованій была бы тѣмъ удобнѣй, что она реальнѣе сохраняла бы въ потомствѣ имя жертвователя и предоставила бы ему болѣе свободы распорядиться суммою по своему личному усмотрѣнію. Въ случаѣ надобности нѣкоторыя клиники, напримѣръ, акушерскую и глазную, можно устроить въ отдѣльныхъ, даже деревянныхъ, небольшихъ домахъ, по павильонной системѣ. Планы я могъ бы

прислать. При дешевизнѣ лѣса и даровой университетской землѣ, каждый изъ такихъ домовъ могъ бы, я думаю, обойтись не болѣе 10.000 руб. Точно также у насъ въ модѣ жертвовать на стипендіи, для учащихся. Эту форму пожертвованія я считалъ бы менѣе практичной, чѣмъ устройство для несостоятельныхъ студентовъ дарового помѣщенія. Въ этомъ отношеніи одинъ устроенный домъ могъ бы замѣнить десятки стипендій, обезпечивъ студентамъ, самое главное—здоровую квартиру вблизи университета, а содержаніе стола для нихъ было бы уже не трудно взять на свой общій счетъ. Вообще я надѣюсь, что мѣстное Томское общество, послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о Сибирскомъ университетѣ въ Томскѣ, не оставитъ этотъ университетъ своимъ вниманіемъ. Я ратую за Томскъ именно потому, что предвижу здѣсь широкое развитіе университета, возможность удовлетворительнаго устройства всѣхъ учебныхъ приспособленій, что привлечетъ хорошихъ профессоровъ и возможность хорошаго устройства быта студентовъ.

«Вздоръ говорятъ, что въ Сибирѣ юный университетъ будетъ хромать на всю ногу. Напротивъ, я убѣжденъ, онъ долженъ быть и будетъ образцовымъ, долженъ превзойти многіе изъ нынѣ существующихъ университетовъ Европейской Россіи. На первыхъ же порахъ онъ долженъ получить и высокій научный тонъ, и хорошій студенческій духъ, такъ, чтобы и учащіе и учащіеся не только не пренебрегали имъ, а по существу самаго дѣла предпочитали бы его многимъ остальнымъ университетамъ. Всего этого можно достигнуть при сердечномъ отношеніи къ дѣлу, при сочувствіи и содѣйствіи общества. Нужно, чтобы университетъ былъ не казеннымъ только созданіемъ, а живымъ выраженіемъ мѣстной жизни, свободнымъ проявленіемъ нравственныхъ народныхъ силъ.

„Что будетъ дальше—не знаю, но въ настоящее время я уже имѣю для Томска (но не для Омска) не одинъ десятокъ лучшихъ профессоровъ нашихъ университетовъ, изъ явившихъ желаніе на дѣятельность въ Сибирскомъ университетѣ, какое вліяніе будетъ имѣть университетъ на развитіе самаго Томска можно судить по аналогіи съ другими университетскими городами. Въ Харьковѣ, 70 лѣтъ назадъ, при открытіи университета было всего 5.000 жителей, теперь тамъ болѣе 100.000. Казань въ такой же срокъ съ 20.000 увеличилась до 120.000. Такой же, если не болѣе быстрый, ростъ можно предсказать и Томску, если въ немъ

будеть университетъ. *Томскіе жители должны это имѣть въ виду и изъ любви къ своему городу должны содѣйствовать устройству его будущей красоты и славы, источника богатствъ и нравственной силы—Томскаго университета.*

„Душевно бы желалъ, чтобы всѣ мои мечты осуществились поскорѣе, чтобы не повліяли на это нынѣшнія политическія событія, чтобы въ дѣлѣ, которымъ я увлекаюсь, не встрѣтить разочарованія ни въ Петербургѣ, ни въ Сибири. Еще разъ благодарю васъ за содѣйствіе и прошу вѣрить моей всегдашней и искренней къ вамъ привязанности. Завтра я передамъ всѣ присланныя вами бумаги А. И. Деспотъ-Зеновичу для ознакомленія съ ними“.

Образованная въ 1877—1878 гг. Высочайше учрежденная комиссія для изученія вопроса объ избраніи города для Сибирскаго университета состояла изъ предсѣдателя товарища министра народнаго просвѣщенія кн. А. П. Ширинскаго-Шихматова и членовъ: члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія В. М. Флоринскаго, члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ А. И. Деспотъ-Зеновича и какъ представителей мѣстной генераль-губернатора Западной Сибири—главнаго инспектора училищъ Западной Сибири А. П. Дзюбы и вице-губернатора Акмолинской области М. Н. Курбановскаго.

Самая идея этой комиссіи была возбуждена лично Василіемъ Марковичемъ, который сумѣлъ заинтересовать вопросомъ о Сибирскомъ университетѣ, бывшаго тогда предсѣдателя Государственнаго Совѣта Великаго Князя Константина Николаевича. Поэтому, естественно, В. М. долженъ былъ выступить въ комиссіи во всеоружіи доказательствъ преимущественнаго значенія Томска, какъ резиденціи для будущаго университета. Задача въ данномъ случаѣ была тѣмъ болѣе трудна, потому что вопросъ въ пользу Омска былъ уже предрѣшенъ въ присутствіи генераль-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова въ Соединенныхъ Департаментахъ (Законовъ и Государственной Экономіи) Государственнаго Совѣта.

О ходѣ работъ въ комиссіи, а также о предпринятой имъ разработкѣ плановъ сооруженія будущаго университета при участіи директора департамента народнаго просвѣщенія М. Е. Бадке, профессоровъ Д. И. Менделѣева, Овсяникова, академика архитектуры А. П. Бруни, В. М. сообщалъ мнѣ подробно въ письмѣ, отъ 22 января 1878 г., изъ С.-Петербурга.

„Сейчасъ только окончилъ послѣдній листъ корректуры „Трудовъ комиссіи“, которые завтра явятся въ свѣтъ и пойдутъ по своему назначенію. Сегодня утромъ я извѣстилъ васъ объ этомъ, въ отвѣтъ на вашу телеграмму; но это письмо не считайте отвѣтомъ на нее, потому что и безъ того, во всякомъ случаѣ, я написалъ бы вамъ, чтобы извѣстить о ходѣ нашего дѣла.

„Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что комиссія наша не собиралась очень долго, все ждала изъ Омска Дзюбу и Курбановскаго, которые, наконецъ, пріѣхали 20 ноября. 22-го у насъ было первое засѣданіе, а 19 декабря мы окончили все дѣло. Затѣмъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, считая тутъ и праздники, я занятъ былъ редакціею нашихъ, или лучше сказать, своихъ трудовъ,—возился съ типографіею и корректурами, а отчасти и съ Омскими членами, чтобы убѣдить и уломать ихъ на единогласное рѣшеніе, безъ особыхъ мнѣній и противорѣчій съ ихъ стороны. Много было бы описывать вамъ всю эту исторію; можетъ быть, со временемъ удастся рассказать вамъ ее на словахъ, а теперь достаточно сказать, что результатъ вышелъ пока очень хорошій. Омичи, не смотря на все ихъ упорство и желаніе угодить Казнакову ничего не могли сказать противъ неоспоримыхъ фактовъ и должны были высказать и подписать вмѣстѣ съ нами общее заключеніе, что Сибирскій университетъ можно основать только въ Томскѣ, а никакъ не въ Омскѣ. Въ пользу перваго и противъ послѣдняго слишкомъ много доводовъ, противъ которыхъ нельзя было спорить. Да и, по правдѣ сказать, некому было спорить, потому что Омскіе бойцы были слишкомъ слабо вооружены.

„Труды наши составили цѣлую книжку, 10 печатныхъ листовъ, которая со временемъ, многими читается съ большимъ интересомъ. До сихъ поръ ее читалъ министръ народнаго просвѣщенія и, повидимому, внялъ доводамъ разума,—перемѣнилъ свое прежнее мнѣніе относительно Томска и Омска. Многіе изъ членовъ Государственнаго Совѣта тоже уразумѣли дѣло, такъ что теперь можно выступать съ нимъ гораздо смѣлѣй. Въ нашемъ министерствѣ, на основаніи трудовъ комиссіи пишется теперь, при моемъ содѣйствіи, новое представленіе въ Государственный Совѣтъ, на Томскъ, а не на Омскъ, какъ прежде. Есть основаніе думать, что недѣли черезъ двѣ это дѣло будетъ внесено въ Государственный Совѣтъ, и въ концѣ февраля,

Богъ дать, окончательно рѣшится. По крайней мѣрѣ теперь оно такъ стоитъ: съ нимъ спѣшать и все налажено какъ нельзя лучше. Объ одномъ жалѣю, что черезъ недѣлю я уѣзжаю изъ Петербурга въ Казань, получивъ тамъ мѣсто въ университетѣ, по приглашенію Казанскихъ профессоровъ, я не хочу этимъ сказать, чтобы мое присутствіе здѣсь для Сибирскаго университета было крайне необходимо, и все что нужно было сдѣлать, я сдѣлалъ, настроилъ кого слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ,—но тѣмъ не менѣе мое личное присутствіе могло бы пригодиться на случай какой-либо неожиданности, напримѣръ, если бы пріѣхалъ сюда Казанковъ и захотѣлъ кого-либо сбить съ толку, напустить туману про Сибирь. Но и противъ этого я принялъ свои мѣры. *Вообще Сибиряки могутъ считать меня самымъ искреннимъ и самымъ дѣятельнымъ ихъ адвокатомъ, и такимъ я останусь, не смотря на отъѣздъ въ Казань. Я слишкомъ люблю Сибирь и свою идею, чтобы измѣнить ей, слишкомъ много возлагалъ надеждъ на Сибирскій университетъ, чтобы оставить его на половинѣ пути. Даже самая перемѣна моей службы въ настоящее время до известной степени связана съ идеей о Сибирскомъ университетѣ, но я не объясняю Вамъ эту отдаленную связь.*

„Очень хотѣлось бы послать вамъ экземпляръ нашихъ послѣднихъ трудовъ, зная, что они вамъ были бы не безъинтересны, но, говорятъ, это неудобно до тѣхъ поръ, пока окончательно не пройдетъ дѣло. На всякій случай сохранию у себя для васъ лишній экземпляръ и пришлю его, какъ будетъ можно. Въ трудахъ комиссіи я помѣстилъ, между прочимъ, и записку Цибульскаго, она написана очень хорошо, и въ извлеченіи, сводъ заявленій Сибирскихъ городовъ въ пользу Томска. Вопросъ о ссыльных разработанъ прекрасно А. И. Деспотъ-Зеновичемъ, пользовавшимся, между прочимъ, и присланными вами данными (не упоминая вашего имени), за что приносить вамъ большое спасибо. При вопросѣ о климатическихъ условіяхъ Томска и Омска, о лѣчебныхъ учрежденіяхъ и въ частности о значеніи Омскаго госпиталя, мнѣ очень помогли медицинскіе отчеты, взятые мною изъ медицинскаго департамента и военнаго — медицинскаго управленія. Результатъ вышелъ блестящій. Остается желать, чтобы и конецъ дѣла былъ бы такой же.

„Третьяго дня я приступилъ къ другому дѣлу,—къ работкѣ проектовъ зданій для университета. Присланные сибирскіе планы забракованы, надобно составлять новые, бо-

лѣе соответствующіе современнымъ требованіямъ архитектуры и науки, что мы теперь и дѣлаемъ. Собираемся каждый день (я, профессоръ Мендѣлеевъ и Овсянниковъ и архитекторъ Бруни), надѣясь окончить это дѣло черезъ недѣлю, въ черпѣ, т. е. выработать основныя требованія и набросать эскизы чертежей, а подробная архитектурная обработка чертежей можетъ быть исполнена и безъ меня. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе этой зимы планы должны быть утверждены въ министерствѣ внутреннихъ вѣлъ, такъ чтобы весной можно было приступить, если не къ постройкѣ, то по крайней мѣрѣ къ заготовленію матеріаловъ. Хотѣлось бы поговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ подробнѣе, какъ съ знатокомъ, но боюсь утомить ваше вниманіе. Мнѣ казалось бы: не лучше ли производить постройки хозяйственнымъ способомъ, учредивъ на мѣстѣ строительный комитетъ, чѣмъ сдавать ихъ съ торговъ, что вѣроятно обошлось бы дороже и было бы хуже. Возникъ у насъ вопросъ объ устройствѣ половъ: дуба у васъ нѣтъ; изъ чего же ихъ дѣлать? Я предложилъ попробовать кедровый паркетъ, или торцовые полы изъ кедра, додумавшись до этого самъ, но мнѣ говорятъ, что этого никто не пробовалъ. Какъ вы думаете объ этомъ предположеніи, не было ли у васъ опыта въ этомъ родѣ? мнѣ казалось бы также, что и рамы, двери и внутреннюю отдѣлку аудиторій, музеевъ, библіотеки (шкафы, столы и проч.) можно было бы сдѣлать изъ кедра, такъ какъ онъ у васъ въ изобиліи и долженъ представлять собою матеріалъ крѣпче сосны и березы. Занимаетъ насъ и отопленіе. Предполагается водяное, но боюсь какъ бы въ Сибири съ нимъ не наплакаться, въ случаѣ порчи трубъ или какой-нибудь неудачи въ выполненіи. Мнѣ кажется для большихъ нежилыхъ помѣщеній лучше примѣнить усовершенствованныя калориферы. Воду думаемъ провести изъ Томи. Какъ жаль, что у васъ нѣтъ газа, какъ бы онъ былъ необходимъ для лабораторій и вообще для освѣщенія университета. Интересно было бы знать: можно ли въ Томскѣ имѣть дешевый каменный уголь хорошаго качества, (напр. изъ Кузнецкаго бассейна, сплавомъ по Томи). Если да, то, быть можетъ, со временемъ можно будетъ подумать о газовомъ заводѣ: это не Богъ знаетъ какъ стоило бы дорого, а было бы очень хорошо.

„Сейчасъ получилъ извѣстіе, что Н. Г. Казнаковъ пріѣдетъ въ Петербургъ около 10—15 февраля. Было бы очень желательно провести университетское дѣло до его пріѣзда,

но не знаю, удастся ли это: времени осталось такъ не много. Въ случаѣ рѣшенія вопроса я буду извѣщенъ объ этомъ немедленно и въ свою очередь не замедлю сообщить объ этомъ и вамъ изъ Казани.

„Думаю выѣхать изъ Петербурга въ концѣ этого мѣсяца, поэтому если бы вы полагали написать мнѣ, то прошу адресовать въ Казань. Кланяюсь усердно Вашей супругѣ, надѣюсь она начинаетъ привыкать къ Томску. Очень хотѣлось бы, согласно съ обстоятельствами, побывать у васъ нынѣшнимъ лѣтомъ, но не знаю еще какъ сложатся дѣла. Благодарю васъ отъ души за ваше участіе въ общемъ нашемъ дѣлѣ“.

Окончивъ существенную задачу—выбора резиденціи Сибирскому университету и перейдя снова къ временно оставленной имъ профессорской дѣятельности, Василій Марковичъ не прерывалъ своихъ отношеній къ Сибирскому университету. Напротивъ того, онъ рѣшился оставить Петербургъ и переселиться въ Казань именно для того, чтобы имѣть возможность совмѣстить по профессорской службѣ (оставляющей каникулярное время) активное участіе въ предстоящихъ сложныхъ трудахъ по созданію Сибирскаго университета.

Благодаря энергическому содѣйствію Предсѣдателя Государственного Совѣта Великаго Князя Константина Николаевича вопросъ о Сибирскомъ университетѣ былъ разрѣшенъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ пользу Томска и 16 мая 1878 г. послѣдовало утвержденіе Государя причемъ повелѣно было учредить университетъ съ 4 факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ.

Поэтому поводу Василій Марковичъ изъ Казани телеграфировалъ мнѣ 22 мая: *„Поздравляю окончательнымъ рѣшеніемъ Томскаго университета, постройку предполагается начать безотлагательно, ѣду по этому дѣлу Петербургъ“*.

Вслѣдъ за окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса въ пользу Томска мѣстныя симпатіи общества къ Сибирскому университету выразились новыми щедрыми пожертвованіями. Томское городское общество внесло 25.000 руб. на клиники и 5.000 руб. на покупку книгъ для университетской библіотеки. На приглашеніе генераль-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, извѣстный сибирскій дѣятель почетный гражданинъ г. Иркутска. А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 100.000 руб. на устройство кабинетовъ и вообще на

учебныя пособія университету; онъ же предложилъ въ даръ университету библіотеку нашего знаменитаго поэта В. А. Жуковскаго. Кромѣ того болѣе мелкія суммы поступили: изъ Иркутска отъ коммерціи совѣтника Трапезникова, и золото-промышленника Нѣмчинова, Кяхты отъ почетнаго гражданина Собашникова и мѣщанина Кулакова, Бійска отъ купца Соколова, Барнаула отъ купца Сухова и друг.

Предположенія Василя Марковича о безотлагательности постройки университетскихъ зданій не осуществились и послѣ Высочайшаго повелѣнія 16 мая 1878 г. протекло еще два года до начала осуществленія Высочайшей воли. Этотъ срокъ времени былъ употребленъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на составленія проектовъ зданій Сибирскаго университета, на разсмотрѣнія ихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и на Высочайшее утвержденіе. Одновременно В. М. собиралъ свѣдѣнія о способахъ постройки будущихъ университетскихъ зданій, вырабатывалъ инструкцію строительному комитету для возведенія тѣхъ зданій и въ особенности увлекался обогащеніемъ библіотеки новаго университета и разборкою приобрѣтавшихся имъ для университета частныхъ книгохранилищъ.

Въ этотъ періодъ времени изъ С.-Петербурга и Казани В. М. писалъ мнѣ:

12 іюня 1878 г. С.-Петербургъ.

„Разсчитывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ быть у васъ въ Томскѣ, многоуважаемый Александръ Ипполитовичъ, но обстоятельства сложились иначе. Не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ бы хотѣлось. А хотѣлось мнѣ нынѣшнимъ же лѣтомъ что-нибудь сдѣлать для подготовки сооруженія зданій Сибирскаго университета. Для этой цѣли я немедленно отправился въ Петербургъ, чтобы поторопить дѣло, но при этомъ явилась необходимость преодолѣть много формальностей и пройти много инстанцій, чтобы дождаться конца. Потребовалось время, чтобы провести наши планы черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ нужно рѣшить вопросъ о системѣ постройки. Не знаю правъ я или нѣтъ, но я хлопочу теперь о томъ, чтобы разрѣшили постройку хозяйственнымъ способомъ, что мнѣ кажется будетъ выгоднѣе и удобнѣе, хотя быть можетъ и хлопотливѣе. Мнѣ бы очень дорого было знать объ этомъ ваше мнѣніе, какъ человѣка не только опытнаго, но и спеціально знакомаго съ условіями Томска.

Къ сожалѣнію, громадныя разстоянія препятствуютъ быстрому обмѣну мыслей. Вопросъ о системѣ постройки долженъ рѣшиться мѣсяца черезъ полтора и вѣроятно въ томъ смыслѣ, чтобы учредить изъ мѣстныхъ представителей, при моемъ участіи, строительный комитетъ. На случай такого рѣшенія, я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе:

„1) Изъ кого было бы лучше всего учредить этотъ комитетъ. По моему мнѣнію, въ него могли бы войти: мѣстный губернаторъ или вы, какъ предсѣдатель; городской голова, Цибульскій и еще кто-нибудь изъ представителей города; городской архитекторъ и одинъ изъ членовъ губернскаго строительнаго комитета, членъ отъ контрольнаго вѣдомства и представитель отъ министерства народнаго просвѣщенія. 2) Въ случаѣ рѣшенія въ этомъ смыслѣ можно ли устроить такъ, чтобы нынѣшняя зима не пропала даромъ, т. е., чтобы приступить къ заготовкѣ нѣкоторыхъ строительныхъ матеріаловъ, напр., лѣсу, буту, частью кирпича и извести и пр., чтобы съ будущаго лѣта можно было бы начать и самую постройку. Это было бы намъ годъ выигрыша для открытія университета. 3) Интересно было бы знать: не встрѣтится ли какихъ либо особыхъ препятствій въ приобрѣтеніи достаточнаго количества доброкачественнаго кирпича и прочихъ матеріаловъ къ постройкѣ вчернѣ; можно ли около Томска найти гидравлическую известь, хорошія плиты и проч. 4) Хотѣлось бы знать ваше мнѣніе о мѣстномъ Томскомъ архитекторѣ. Нельзя ли бы было ему поручить постройку. Это вопросъ очень важный. Приглашать архитектора изъ Петербурга, конечно хорошаго, а слѣдовательно очень занятаго, обошлось бы намъ очень дорого. Мѣстный былъ бы значительно дешевле, если бы только можно было ему поручить дѣло. Большихъ тонкостей въ постройкѣ не предвидится. Отопление у насъ принято пневматическое. Газовый заводъ и водопроводъ, предполагаемые въ проектѣ, думаемъ пока не строить, а отложить до болѣе благоприятнаго времени. Слѣдовательно зданіе предстоитъ выстроить хотя и довольно массивное, но безъ особенныхъ архитектурныхъ спеціальностей. Если бы вашъ архитекторъ оказался пригоднымъ, то желательно было бы знать его условія, для соображеній относительно выбора строителя. Долженъ вамъ сказать что къ постройкѣ мы приступаемъ на авось, имѣя въ распоряженіи 261,000 руб., считая въ томъ числѣ и 25,000 руб. пожертвованныхъ Томскимъ городскимъ обществомъ. Это все

жертвованныя деньги. Казна пока дать ничего не можетъ, потому что вы сами знаете, какіе нынѣ финансовыя ресурсы Государственнаго Казначейства. Намъ предстояло одно изъ двухъ: или удовлетвориться рѣшеніемъ о необходимости университета въ принципъ и ждать его осуществленія можетъ быть десятки лѣтъ, пока государственная казна будетъ въ силахъ осуществить это дѣло, или начать постройку на частныя средства. Мы предпочли послѣднее, имѣя въ виду возвести самыя необходимѣйшія зданія на имѣющіяся средства, которыя можетъ быть еще будутъ пополнены добрыми людьми. Такъ дѣло не заглохнетъ и года черезъ четыре университетъ можно будетъ открыть. Изъ этого вы видите какую намъ необходимо соблюдать экономію и вопросъ объ архитекторѣ является вопросомъ весьма важнымъ. Сибирскій университетъ можно сказать взятъ съ бою, разрѣшенъ въ такую критическую для государства минуту, когда его утвержденіе всѣ считали невозможнымъ. Это единственный у насъ университетъ, утвержденный не столько по инициативѣ правительства, сколько по инициативѣ и желанію самого общества. Онъ и долженъ быть университетомъ народнымъ и общество, мнѣ кажется, должно поддержать его первые шаги. Можетъ быть я заблуждаюсь, увлекаюсь этимъ дѣломъ, какъ сибирякъ, но мнѣ кажется, что это будетъ такъ».

„5) Не можете ли вы мнѣ сообщить, въ какомъ отношеніи къ строительному комитету и вообще къ постройкѣ будетъ находиться генераль-губернаторъ Западной Сибири. Отношеніе его къ этому вопросу вамъ извѣстно. Томскъ избранъ не по его желанію, потому я боюсь, что онъ не будетъ особенно сочувствовать этому дѣлу. Если бы можно было тѣмъ или другимъ способомъ уменьшить его вліяніе на осуществленіе построекъ, мнѣ кажется, отъ этого дѣла скорѣе бы выиграло, чѣмъ проиграло. Впрочемъ это мое субъективное мнѣніе, и здѣсь болѣе важна юридическая почва. Если можете что либо объяснить по этому пункту, — буду вамъ очень благодаренъ“.

„Изъ Казани, кажется 20 мая, послалъ вамъ телеграмму съ извѣстіемъ объ окончаніи дѣла, а вслѣдъ за нимъ письмо. Не знаю, получили ли. Послѣ того я уѣхалъ въ Петербургъ и живу здѣсь до сихъ поръ. Къ концу іюня опять буду въ Казани. Если удостоите меня вашимъ письмомъ, то прошу адресовать въ Казань. Буду ждать его съ нетерпѣніемъ. Изъ Петербурга, только два дня тому назадъ

я писалъ вашему городскому головѣ Е. И. Королеву и въ письмѣ, между прочимъ, упоминалъ о деньгахъ (5,000 руб.) пожертвованныхъ на покупку книгъ. Книги я отобралъ (дублеты Публичной Библіотеки), купилъ ящикъ на свой счетъ и въ бібліотекѣ ихъ уложили. Покупка очень выгодная и хорошая. Было бы весьма желательно расчитаться теперь съ бібліотекою и прислать эти книги къ вамъ, такъ какъ храненіе ихъ обременяетъ бібліотеку. Если можете посодѣйствовать скорѣйшей присылкѣ денегъ на имя товарища министра народнаго просвѣщенія или прямо въ министерство народнаго просвѣщенія, которое и сдѣлаетъ по этому формальный расчетъ съ Публичной Библіотекой,—этимъ меня крайне обяжете.

„Извините, что я вамъ надоѣдаю письмами и порученіями, я увѣренъ, что вы не обременитесь этимъ общимъ дѣломъ, въ которомъ много капель лежитъ и вашего меду. За ваши прежнія свѣдѣнія и разъясненія я не перестану быть вамъ всегда благодарнымъ. Не забудетъ ихъ и Сибирь и Сибирскій университетъ, который можетъ быть когда нибудь заплатить за ваше участіе въ его созданіи воспитаніемъ въ стѣнахъ своихъ вашихъ дѣтей“.

17 Апрѣля 1879 г. Казань.

„Закладка Сибирскаго университета, а вмѣстѣ съ ней и моя поѣздка въ Томскъ нынѣшнимъ дѣломъ опять не состоятся. Объ этомъ я очень сожалею. *Неожиданная остановка явилась за планами, которые министерству внутреннихъ дѣлъ (техническо-строительному комитету) угодно было забраковать, хотя по моему несправедливо. Теперь поручено академику архитектору Э. И. Жиберу составить новые проекты плановъ, которые будутъ доставлены не ранѣе августа мѣсяца.* Послѣ того они опять должны идти въ министерство внутреннихъ дѣлъ, слѣдовательно ранѣе зимы Государь подписать ихъ не можетъ. Вотъ и приходится опять терять одинъ годъ, если бы только этимъ потеря и ограничивалась.

„Несмотря на то, что министерство не спѣшитъ съ открытіемъ университета, сочувствіе къ нему не пропадаетъ. Добрые люди продолжаютъ обогащать его своими пожертвованіями, въ числѣ которыхъ есть очень цѣнные. О пожертвованіи А. М. Сибирикава 100,000 руб. вы конечно знаете. Онъ же подарилъ намъ весьма цѣнную бібліотеку знамени-

таго нашего поэта В. А. Жуковского; можетъ быть, еще подарить весьма рѣдкую и дорогую библіотеку покойнаго профессора Бодянского, о приобрѣтеніи которой идутъ теперь переговоры. На присланные въ прошломъ году Томскимъ городскимъ управленіемъ 5,000 руб. приобрѣтено изъ дублетовъ Публичной Библіотеки весьма много рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ и притомъ по очень дешевой цѣнѣ, всего за 1,335 руб. На остальную сумму мы предполагаемъ купить библіотеку покойнаго академика Никитенко, вѣроятно за 2,000 или за 2,500 руб. Остатокъ суммы пойдетъ частію, на пересылку книгъ, частію на новое приобрѣтеніе ихъ. Вообще наша университетская библіотека растетъ не по днямъ, а по часамъ и обѣщаетъ быть очень солидной.

„Недавно мнѣ сообщили о новомъ пожертвованіи Захарія Михайловича Цибульскаго (12,000 руб. на 2 стипендіи). Спасибо ему за доброе дѣло, но по моему мнѣнію было бы еще полезнѣе выстроить на эти деньги домъ для квартиръ студентовъ. Посobie бѣднякамъ отъ этого значительно расширилось бы, такъ какъ вмѣсто двухъ стипендіатовъ, на тѣ-же деньги, могли бы имѣть даровое, сухое и теплое помѣщеніе вблизи университета, можетъ быть 20 студентовъ. Для учащейся молодежи—главная квартира; со столомъ она справится гораздо легче, устроивъ свой общій обѣдъ въ томъ-же студенческомъ домѣ, что можетъ обойтись не больше 2-3 руб. въ мѣсяцъ на человека, я видѣлъ такой студенческой домъ при Гельсингфорскомъ университетѣ и онъ приноситъ тамъ громадную пользу, при затратахъ сравнительно небольшихъ. Мнѣ очень хотѣлось бы устроить со временемъ нечто подобное въ Томскѣ, не въ формѣ, конечно, казеннаго общежитія, а въ формѣ свободныхъ, но даровыхъ квартиръ для нуждающихся. Само собою разумѣется, что высказанными соображеніями я не имѣю въ виду умалять значеніе добраго дѣла Захарія Михайловича, котораго искренно, отъ души благодарю за его неослабѣвающее сочувствіе Сибирскому университету. Безъ сомнѣнія онъ уже знаетъ о разрѣшеніи Государя Императора поставить портретъ Захарія Михайловича въ актовомъ залѣ университета. Нельзя ли попросить его заблаговременно озаботиться и приобрѣтеніемъ такого портрета“.

20 Сентября 1879 г. Казань.

„Изъ Петербурга вернулся въ половинѣ августа. Дѣло о Сибирскомъ университетѣ направилъ на путь, но это было

не болѣе, какъ исправленіе недоразумѣній прошлой зимы. Въ сущности этотъ вопросъ стоитъ теперь въ томъ же положеніи, какъ и прошлое лѣто, т. е. *новые проекты плановъ* (академика-архитектора Э. И. Жибера) *отклонены, какъ несоотвѣтствующіе цѣлямъ и средствамъ и вмѣсто нихъ снова обратились къ прежнимъ нашимъ планамъ*, которые теперь подлежатъ новому разсмотрѣнію въ техническо-строительномъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Надобно надѣяться, что до новаго года этотъ вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ и тогда можно будетъ приступить къ постройкѣ.

Библіотека наша растетъ и процвѣтаетъ. До настоящаго времени мы имѣемъ уже около 30,000 томовъ весьма хорошихъ сочиненій по всѣмъ научнымъ отдѣламъ. Въ бытность въ Петербургѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, я отобралъ въ Публичной Библіотекѣ еще около 3,000 прекрасныхъ и очень цѣнныхъ книгъ, но не знаю, удастся ли оплатить ихъ. При выборѣ я имѣлъ въ виду сумму, собранную по подписки И. В. Ефимовымъ въ Томскѣ и въ другихъ городахъ Сибири въ 1878 году, но не знаю, можно ли располагать этою суммою, Очень бы хотѣлось узнать объ этомъ“.

Разрѣшеніе вопроса о Сибирскомъ университетѣ въ пользу Томска, при неуваженномъ представленіи генераль-адъютанта Казнакова объ Омскѣ, отозвалось на служебномъ положеніи главнаго инспектора училищъ Западной Сибири А. П. Дзюбы, который долженъ былъ выйти въ отставку, такъ какъ къ винѣ его отнесена была невѣрная мотивировка данныхъ въ представленіи генераль-губернатора о выборѣ резиденціи для Сибирскаго университета и отъ которыхъ онъ долженъ былъ отказаться, убѣжденный доводами комиссіи.

Долговременное ожиданіе открытія работъ по сооруженію Сибирскаго университета, естественно, порождало въ Сибирскомъ обществѣ, мало освѣдомленномъ о положеніи дѣла, сомнѣніе въ осуществленіи университета.

По поводу замѣщенія должности главнаго инспектора училищъ Западной Сибири новымъ лицомъ и той освѣдомленности о положеніи дѣла объ университетѣ, какая была въ Омскѣ, тогдашней резиденціи генераль-губернатора Западной Сибири, сообщалъ мнѣ изъ Омска, въ концѣ 1878 г., Николай Михайловичъ Ядринцевъ съ его живой, чуткой и мѣткой характеристикой:

„По университетскому вопросу познакомился и говорилъ съ главнымъ инспекторомъ Н. Я. Максимовымъ. Смирен-

ный петербургскій директоръ-классикъ, прѣхавшій на отдыхъ и на пенсію въ Сибирь, занялъ большой домъ въ родѣ дачи и очень доволенъ положеніемъ. Вотъ его характеристика. Энергіи никакой. Сообщилъ, что на пожертвованія начинать строить университетъ нельзя—Демидовскій капиталъ въ билетахъ непрерывнаго дохода, курсъ низокъ и брать его невыгодно, Сибиряковскіе 100.000 руб. условны до основанія университета; остается Цибульскаго 100.000 руб. и тысячь десять еще. Между тѣмъ, менѣе какъ съ 300.000 или 400.000 руб. и начинать нечего. Всѣ покоряются обстоятельствамъ и не настаиваютъ. Не зная о моемъ знакомствѣ, Максимовъ замѣтилъ про Василія Марковича:

„Былъ одинъ, который хотѣлъ строить университетъ, но теперь въ Казани и, кажется, забылъ про него“.—Вѣроятно Максимовъ ошибается. Пишите Василію Марковичу, чтобы хлопоталъ. Мы двинемъ вопросъ литературно сколько можемъ. Писалъ въ Тюмень и другія мѣста о пожертвованіяхъ. Всѣ говорятъ, если бы генераль-губернаторъ настоялъ, дали бы многіе. Такова—Сибирь!“

Н. М. Ядринцевъ былъ правъ, отнесясь скептически къ свѣдѣніямъ Максимова о безнадѣжности скораго сооруженія университета и объ охлажденіи къ университетскому дѣлу В. М. Флоринскаго. Въ дѣйствительности въ это время университетское дѣло вырабатывалось въ своихъ деталяхъ въ министерствахъ безъ участія главнаго управленія Западной Сибири, но при всесторонней помощи В. М. Флоринскаго.

Составитель новыхъ проектовъ-плановъ академикъ архитекторъ Э. И. Жиберъ представилъ смѣту на сумму, болѣе милліона руб., которая вдвое превышала сумму ассигнованную на этотъ предметъ по первоначальному проекту академика А. П. Бруни (585.745 руб. 6 коп.). Это обстоятельство заставило министерство народнаго просвѣщенія остановиться на первомъ проектѣ, несмотря на его недостатки, имѣя въ виду устранить ихъ по мѣрѣ возможности при производствѣ самихъ построекъ и просить техническо-строительный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ рассмотреть его только съ технической стороны. Находя проектъ Бруни въ этомъ отношеніи удовлетворительнымъ, комитетъ одобрилъ его съ нѣкоторыми техническими замѣчаніями и въ такомъ видѣ онъ былъ утвержденъ къ исполненію 6-го сентября 1879 г. въ суммѣ 648.312 руб. 47 коп. Энергическіе хлопоты Василія Марковича о скорѣйшемъ осуществленіи при-

ступа къ постройкѣ университетскихъ зданій, объ организаціи комитета и объ огражденіи распорядительныхъ дѣйствій его отъ вліянія главнаго управленія Западной Сибири и генераль-губернаторской власти, подвигались впередъ несмотря на явно выражавшіяся недоброжелательства къ выполненію университетскаго дѣла въ этомъ направленіи со стороны главнаго управленія и главнаго инспектора училищъ Западной Сибири, желавшими быть преимущественными распорядителями.

14 марта 1880 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи строительнаго комитета для возведенія зданій сибирскаго университета въ Томскѣ.

Согласно инструкціи, утвержденной Министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ, строительный комитетъ состоялъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Въ составъ комитета входили: предсѣдатель—Томскій губернаторъ, члены—предсѣдатель Томскаго губернскаго правленія, Томскій городской голова, членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія по назначенію Министра народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, въ комитетъ допускались къ участию, какъ члены, съ правомъ голоса два строителя, которымъ поручалось министерствомъ народнаго просвѣщенія сооруженіе зданій.

На представителя отъ министерства народнаго просвѣщенія возлагалось наблюденіе за приспособленіемъ создаваемыхъ зданій къ учебнымъ потребностямъ. Дѣлопроизводитель комитета назначался Министромъ народнаго просвѣщенія. Членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и дѣлопроизводитель получали содержаніе отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Эта инструкція совершенно игнорировала главную мѣстную административную власть въ краѣ генераль-губернатора и главное управленіе съ главнымъ инспекторомъ училищъ и совершенно освобождало строительный комитетъ отъ подчиненности этой власти, чего въ особенности добивался Василій Марковичъ.

Въ своемъ составѣ комитетъ являлся вполне авторитетнымъ и компетентнымъ для выполненія возлагавшейся на него трудной задачи не только съ точки зрѣнія требованій строительнаго устава и интересовъ казны, но и съ точки зрѣнія специальныхъ цѣлей учебнаго вѣдомства, которое имѣло въ комитетѣ своего представителя. Будучи назначенъ чле-

номъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ строительный комитетъ В. М., для выполненія своей обязанности, ежегодно прїѣзжалъ въ Томскъ на лѣтнее время, въ періодъ строительныхъ работъ, а осенью возвращался въ Казань къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. Изъ Казани В. М. имѣлъ возможность каждую зиму лично являться въ С.-Петербургъ для доклада о ходѣ строительныхъ работъ. Такимъ образомъ онъ служилъ живымъ связующимъ звеномъ между дѣйствовавшимъ въ Томскѣ строительнымъ комитетомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Въ началѣ іюня 1880 г. Василій Марковичъ, съ женою своею Марією Леонидовною, впервые прибылъ пароходнымъ путемъ въ Томскъ.

Тогда же комитетъ открылъ свои дѣйствія и 26-го августа, въ день Коронованія Александра II, была произведена памятная для Томска и всей Сибири торжественная закладка зданій Сибирскаго университета.

День закладки университета былъ праздникомъ для всей Сибири, какого она еще никогда до тѣхъ поръ не переживала. Онъ радостно привѣтствовался всюду, гдѣ встрѣчались сибиряки. И въ Петербургѣ и въ Иркутскѣ и на далекой восточной азіатской окраинѣ Сибиряки сошлись въ этотъ день, чтобы поздравить другъ друга съ событіемъ. Но особенно необыкновенные для Сибири дни переживалъ тогда Томскъ. Городъ принялъ оживленный праздничный видъ, дома были украшены флагами. Заботы по устройству праздника были раздѣлены между строительнымъ комитетомъ и городскимъ управленіемъ. Комитетъ долженъ былъ приготовить все необходимое для церемоній закладки университетскихъ зданій и для торжественнаго акта по этому случаю на мѣстѣ сооруженія зданій; городъ принялъ на себя всѣ заботы и расходы по угощенію гостей, среди которыхъ были депутаціи отъ разныхъ городовъ Сибири, и по устройству вечеромъ, въ день закладки, народнаго праздника въ университетской рощѣ, съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Съ 9 часовъ утра со всѣхъ концовъ города народъ толпами направился къ кафедральному собору и къ мѣсту закладки, гдѣ былъ выстроенъ павильонъ убранный зеленью. Послѣ торжественнаго молебствія въ соборѣ послѣдовалъ крестный ходъ изъ собора къ мѣсту закладки, гдѣ вновь совершенно было молебствіе преосвященнымъ Петромъ епископомъ Томскимъ и Семипалатинскимъ, въ присутствіи представителей

мѣстной администраціи, депутацій городовъ, воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ заведеній. Затѣмъ послѣдовалъ обрядъ заложенія, причемъ въ основаніи зданія заложена была мѣдная доска съ слѣдующею надписью:

«Лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восьмидесятого, августа въ двадцать шестой день, въ годовщину дня священнаго коронованія благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, Высочайшимъ Его повелѣніемъ заложено сіе зданіе Сибирскаго университета по представленію генералъ-губернатора Западной Сибири генералъ-адъютанта Николая Геннадіевича Казнакова и Министра народнаго просвѣщенія графа Дмитрія Андреевича Толстого. Первый камень сооруженія, воздвигаемаго по планамъ архитектора академика Александра Константиновича Бруни, положенъ подъ сею доскою въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія тайнаго совѣтника Андрея Александровича Сабурова, въ присутствіи членовъ строительнаго комитета: исправляющаго должность Томскаго губернатора Василія Ивановича Мерцалова, предсѣдателя Томскаго губернскаго правленія Александра Ипполитовича Дмитріева-Мамонова, Томскаго городского головы коммерціи совѣтника Захарія Михайловича Цибульскаго, ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета Василія Марковича Флоринскаго и строителя зданія инженеръ-архитектора Максимиліана Юрьевича Арнольда».

По совершеніи обряда закладки въ томъ же павильонѣ открытъ былъ актъ: съ постановленной каеэдры и. д. губернатора В. И. Мерцаловымъ, по объявленіи Высочайшаго повелѣнія о дарованіи Сибири университета, прочтено было привѣтствіе Великаго князя Константина Николаевича строительному комитету, затѣмъ произнесены были торжественныя рѣчи—В. И. Мерцаловымъ, какъ предсѣдателемъ строительнаго комитета, В. М. Флоринскимъ, членомъ строительнаго комитета, А. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ и строителемъ университетскихъ зданій М. Ю. Арнольдомъ. Затѣмъ слѣдовало чтеніе многочисленныхъ телеграммъ и адресовъ. Н. Г. Казнаковъ не могъ присутствовать на торжествѣ закладки. Послѣ воспаленія легкихъ и нервнаго удара, онъ 22 августа совсѣмъ больной выѣхалъ изъ Омска въ разрѣшенный ему одиннадцатимѣсячный отпускъ, съ дороги изъ Тобольска онъ привѣтствовалъ строительный комитетъ и Томское городское общество телеграммой выражая сожалѣніе, что „болѣзнь не позволяетъ ему лично присутствовать при началѣ осущест-

вления дорогого ему дѣла, которому въ теченіе пяти лѣтъ посвящено имъ не мало труда“.

Представителемъ его на торжествѣ былъ присланный имъ изъ Омска главный инспекторъ училищъ Западной Сибири Н. Я. Максимовъ. Актъ завершился пѣніемъ гимновъ.

Василій Марковичъ въ своей блестящей, прочувствованной рѣчи, останавливаясь на вопросахъ о томъ, какое имѣетъ значеніе Сибирскій университетъ для края, на сколько мысль объ его учрежденіи современна и можетъ ли Сибирскій университетъ разсчитывать занять подобающее ему почетное мѣсто среди своихъ собратьевъ—другихъ университетовъ Европейской Россіи, указывалъ, что *«Университетъ это духовное солнце, восходящее надъ холодною Сибирью и долженствующее согрѣть и оживить ее, разбудить дремлющія силы. Для всѣхъ будущихъ преобразованій и улучшеній, какія предначертаны Сибири волею высшаго правительства, университетъ долженъ служить наилучшимъ, самымъ прочнымъ фундаментомъ, ибо всякое преобразование и улучшение прежде всего требуетъ достаточнаго числа образованныхъ исполнителей. — Университетъ будетъ имѣть нравственное вліяніе на весь складъ сибирской жизни, служа черезъ своихъ представителей и питомцевъ образцомъ высшихъ идеаловъ и духовныхъ стремленій»*. Упоминая о цѣломъ рядѣ патріотическихъ поступковъ, какими сибиряки ознаменовали великое народное дѣло — учрежденіе университета, Василій Марковичъ заключилъ свою рѣчь пожеланіемъ, *«чтобы общеніе университета и общества продолжались и на будущее время и чтобы взаимная любовь и взаимная помощь были бы въ томъ дальнѣйшаго существованія нашего дорогого учрежденія»*.

По окончаніи акта, архіерей и духовенство, строительный комитетъ, депутаты и приглашенные городскимъ управленіемъ гости направились въ зданіе бывшаго „лѣтняго собранія“ вблизи отъ мѣста закладки на чай и завтракъ.

Вечеромъ въ городской роцѣ, которая теперь стала университетскимъ садомъ, было устроено народное гулянье. Городъ былъ иллюминированъ. На площадѣ, на которой разбитъ былъ контуръ главнаго университетскаго корпуса, стояли четыре громадныхъ транспаранта съ изображеніемъ: 1) вензеля Александра II, съ надписью „Боже Царя Храни“, 2) зданіе главнаго университетскаго корпуса, 3) надписи на доскѣ, заложенной въ основаніи возводимаго зданія. Внизу этого транспаранта изображено было полушаріе съ картою

Сибири, а по сторонамъ на широкомъ бордюръ — эмблемы четырехъ факультетовъ; 5) Ермака Тимофеевича, на конѣ, съ надписями: „1880 г. основаніе сибирскаго университета“, „1880 г. начало завоеванія Сибири Ермакомъ Тимофеевичемъ“. На единственномъ въ городѣ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина горѣли слова Гете: „свѣта! свѣта! свѣта!“ Народъ былъ въ восторгѣ. Въ толпахъ слышались восторженные замѣчанія, что Томскъ никогда еще не видѣлъ такого удачнаго и блистательнаго торжества. По окончаніи фейерверка, приглашенные на праздникъ гости снова сошлись въ залахъ бывшаго общественнаго собранія, гдѣ многіе изъ гостей приняли участіе въ танцахъ. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ вечеромъ устраивались семейные праздники, пили за процвѣтаніе университета; родители внушали дѣтямъ, что это собственно ихъ дѣтскій праздникъ. И старцы и дѣти слились въ одну ликующую толпу.

Но до крайняго напряженія воодушевленіе дошло на другой день, 27 августа, на обѣдѣ, устроенномъ по подпискѣ, на который собралась вся интеллигенція города. Чтеніе полученныхъ поздравительныхъ телеграммъ, отъ Государя, посланную изъ Ливадіи черезъ Министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, отъ наслѣдника Александра Александровича, отъ графа Н. П. Игнатьева, генераль-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова и многихъ частныхъ лицъ, — приподняло духъ общества. Здѣсь произнесено было нѣсколько застольныхъ содержательныхъ, интересныхъ рѣчей, придавшихъ первому въ Сибири университетскому празднику большое одушевленіе и выдающійся интеллектуальный характеръ.

На обѣдѣ П. И. Макушинымъ была предложена подписка на устройство дома для бесплатныхъ квартиръ будущимъ студентамъ. Это предложеніе было принято съ радостью и тутъ же на мѣстѣ было подписано 2.100 руб.; музыканты, игравшіе туши во время обѣда, вырвали листокъ изъ нотъ и покрыли его своими подписями по мѣрѣ своихъ средствъ, кто рубль, кто два.

Сибирскіе писатели, борцы за Сибирскій университетъ, во главѣ съ Н. М. Ядринцевымъ, могли только радоваться, видя эти оваціи населенія университету; они полагали, что жизнь университета пойдетъ въ самой близкой связи съ жизнью сибирскаго общества, что взрывы общественныхъ сочувствій университету при его закладкѣ превратятся въ

постоянную объ немъ заботливость и никогда не наступитъ время охлажденія въ населеніи къ этому верховному разсаднику просвѣщенія въ край. Такъ думалъ и Василій Марковичъ, выражая въ письмахъ и въ рѣчахъ своихъ мечты о будущемъ значеніи и развитіи университета въ Сибири.

Первый годъ дѣятельности строительнаго комитета, по недостатку матеріаловъ и рабочихъ рукъ ограничился незначительными работами только центральной части главнаго университетскаго корпуса, развитіе работъ отложено было до весны слѣдующаго 1881 г., поэтому въ началѣ осени 1880 г. Василій Марковичъ съ семействомъ возвратился въ Казань.

Съ весны 1881 г. служебная моя дѣятельность перенесена была въ Тобольскъ, куда я переведенъ былъ на мѣсто предсѣдателя губернскаго правленія, а потому и участіе мое въ строительномъ комитетѣ окончилось.

Пріѣхавъ въ іюнь 1881 г. въ Томскъ В. М. уже не нашелъ среди комитета дружныхъ энергическихъ сотрудниковъ. Общій разладъ, внесенный въ Томскую губернію и въ особенности въ самый городъ Томскъ губернаторомъ В. И. М. и назначеніе на мѣсто просвѣщеннаго, энергичнаго, талантливаго администратора Н. Г. Казнакова, генераль-губернаторомъ Западной Сибири генераль-адъютанта Г. В. Мещерина, чловѣка добраго, уступчиваго, но нисколько не знакомаго съ Сибирью и вообще съ гражданскими частями управленія, повліяли на успѣшный ходъ университетскихъ сооруженій. Нецѣлесообразныя, своевольныя распоряженія губернатора В. И. М., какъ предсѣдателя строительнаго комитета и совершенно равнодушное отношеніе къ созидавшемуся университету генераль-адъютанта Г. В. Мещерина, парализовали также и общественную дѣятельность на пользу университета.

Осенью 1881 г. В. М. писалъ мнѣ изъ Казани:

26 сентября 1881 г. Казань.

„По возвращеніи изъ Томска я долженъ былъ черезъ нѣсколько дней отправиться въ Петербургъ по дѣламъ Сибирскаго университета. Здѣсь, между прочимъ, я обратился къ Михаилу Константиновичу Сидорову съ просьбой пріобрѣсти для археологическаго музея Сибирскаго университета осмотренную нами коллекцію древностей г. Знаменскаго, на что получилъ самое любезное согласіе. Вѣроятно, съ этимъ

письмомъ вы получите отъ г. Сидорова 300 руб. для этой цѣли, которыя прошу васъ передать г. Знаменскому и принять отъ него проданныя вещи. Атласы, если васъ не затруднить, я просилъ бы переслать мнѣ въ Казань, чтобы продемонстрировать въ нашемъ археологическомъ обществѣ, а самую коллекцію поддержать у себя до весны, когда я могу захватить съ собою въ Томскъ. Послѣ получения вещей будете добры увѣдомить объ этомъ г. Сидорова. Извините, что я утруждаю васъ всѣми этими просьбами, въ расчетѣ на вашу доброту и на ваше теплое сочувствіе Сибирскому университету.

„Сегодня вернувшись въ Казань, нашелъ у себя на столѣ цѣлую кучу писемъ изъ Томска. Сообщаютъ, что В. И. М. окончательно спѣшилъ съ ума, дуритъ и мудритъ въ комитетъ до безобразія. Все, что мною было направлено и налажено лѣтомъ, онъ отменяетъ безъ всякаго основанія; половину рабочихъ отпустилъ 3-го сентября, несмотря на то, что весь сентябрь стоялъ теплый и работу можно было продолжать отлично; Шестакова (смотрителя матеріаловъ) прогналъ ни съ того, ни съ сего, назначивъ на его мѣсто какого то полячка; къ Вѣлявскому (дѣлопроизводителю комитета) и архитектору до-нельзя придиричивъ и оскорбляетъ ихъ на каждомъ шагѣ. Не знаю, какой будетъ этому конецъ, но постройки при такихъ отношеніяхъ успѣшно двигаться не могутъ“.

✓ Одновременно съ письмомъ В. М. получено было мною и денежное письмо отъ М. К. Сидорова, въ которомъ ссылаясь на Н. М. Ядринцева и В. М. Флоринскаго рекомендовавшихъ коллекцію Знаменскаго, М. К. просилъ меня передать 300 руб. Знаменскому, а археологическую коллекцію и альбомъ почислить отъ его имени въ даръ Музею Сибирскаго университета, къ предстоящему празднику трехсотлѣтія Сибири (6 декабря 1882 г.). Эта коллекція, тогда же принятая мною, хранилась у меня до 1885 г., когда и переслана была В. М. Флоринскому въ Томскъ.

Объ археологическомъ значеніи этой коллекціи и о сдѣланномъ дарѣ мною напечатана была небольшая замѣтка, разосланная многимъ учрежденіямъ и лицамъ, интересовавшимся сибирскою археологіею.

В. М. вскорѣ мнѣ вновь писалъ изъ Казани:

29 января 1882 г. Казань.

„Изъ Томска чуть не ежедневно получаю вѣсти самого печальнаго свойства. В. И. М. дуритъ непозволительно, транжиритъ безъ толку строительный капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тормозитъ постройку. Не знаю, чѣмъ это кончится, но, по моему мнѣнію, необходимо принять какія-либо мѣры для обузданія этого самодура. 7 января послалъ вамъ только что вышедшую книгу Бантышъ-Каменскаго о сношеніяхъ съ Китаемъ. На досугѣ пробѣгите ее и обратите вниманіе на мое прибавленіе о „границахъ съ Китаемъ“.

„Будущей весной непременно заѣду къ вамъ, если только изберу путь черезъ Тобольскъ. Относительно „Иртыша, превращающагося въ Ипокрену“, то его нѣтъ ни въ библиотекѣ Сибирскаго, ни Казанскаго университетовъ. Я знаю этотъ журналъ по экземпляру, находящемуся въ библиотекѣ нашего профессора Булича, и то не полному. Если бы возможно было достать экземпляръ этого изданія и не за особенно дорогую цѣну, то я былъ бы очень благодаренъ за такую находку. Для библиотеки Сибирскаго университета это былъ бы цѣнный вкладъ, какъ рѣдкое и первое литературное Сибирское изданіе“.

Нецѣлесообразныя распоряженія Томскаго губернатора В. И. М., отражавшіеся на успѣшномъ ходѣ работъ по сооруженію университетскихъ зданій, на которыя жаловался въ своихъ письмахъ Василій Марковичъ, представляютъ яркую, типичную картину „воеводскаго управленія въ Сибири въ концѣ XIX вѣка“, напоминающую времена Трескина и Лоскутова изъ эпохи сибирскаго своеволія и самовласти, ярко охарактеризованной Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ М. М. Сперанскимъ въ его ревизіи.

Съ уходомъ изъ Края Н. Г. Казнакова, при слабомъ режимѣ новаго, малоосвѣдомленнаго генералъ-губернатора Г. В. Мещерінова, В. И. М. не зналъ предѣловъ своего губернаторскаго самовласти.

Прежде мирный, жившій здоровою жизнью, г. Томскъ, будущій разсадникъ университетской молодежи въ Сибири, котораго надо было оберегать отъ всякаго вреднаго сторонняго вліянія, сдѣлался ареною политическихъ смутъ, — пошли разные доносы, а затѣмъ многочисленные обыски и аресты съ ихъ прискорбными послѣдствіями. Все это давало

поводъ клеветникамъ пугать Петербургскія сферы тѣмъ, что будущій Сибирскій университетъ сдѣлается ядромъ противоправительственной пропаганды и Василій Марковичъ началъ серьезно опасаться, что созданіе близкаго его сердцу Сибирскаго университета можетъ быть пріостановлено и что всѣ уже сдѣланныя затраты получать другое назначеніе.

Только благодаря энергіи Василя Марковича, имѣвшего возможность лично разяснять въ Петербургѣ дѣйствительное положеніе вещей, созиданіе Сибирскаго университета не гибло и понемногу подвигалось впередъ.

Къ концу строительнаго періода 1882 г. Томскій губернаторъ В. И. М. уволенъ былъ въ отставку и на вакантное мѣсто назначенъ былъ Московскій вице-губернаторъ И. И. Красовскій. Въ этомъ же году упразднено было генераль-губернаторство Западной Сибири и генераль-адъютантъ Г. В. Мещериновъ получилъ новое назначеніе, — командующаго Казанскимъ военнымъ округомъ. Освободившись отъ злополучнаго предсѣдателя строительнаго комитета, хотя и пріобрѣталъ въ лицѣ И. И. Красовскаго человѣка добраго, честнаго, близко стоявшаго въ концѣ шестидесятихъ годовъ къ интересамъ Московскаго университета, по должности инспектора студентовъ, но въ дѣловомъ практическомъ отношеніи комитетъ оставался безъ руководителя, по совершенному незнакомству И. И. съ хозяйственною и гражданскою частями управленія.

Добрѣйшій И. И. не стѣснялся отерovenничать томскими обывателямъ о совершенномъ своемъ незнакомствѣ съ порученнымъ ему дѣломъ, такъ какъ на предшествующей должности Московскаго вице-губернатора всѣ обязанности его заключались въ встрѣчахъ и проводахъ пріѣзжавшихъ и отбѣзжавшихъ сановниковъ и въ раздѣленіи съ архіереями праздничныхъ трапезъ съ пирогами въ митрополичьемъ домѣ.

Въ концѣ 1882 г. (15 декабря) умеръ Захарій Михайловичъ Цибульскій, что было огромной утратой какъ для созидавшагося университета, которому онъ много способствовалъ своими крупными пожертвованіями, личными и письменными ходатайствами, такъ и для Василя Марковича, которому онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ во всѣхъ дѣлахъ строительнаго комитета въ качествѣ Томскаго городского головы и члена строительнаго комитета. Такимъ образомъ, уже къ 1883 году, т. е., спустя всего два года

послѣ закладки, изъ личнаго состава строительнаго комитета, оставался только одинъ Василій Марковичъ, всѣ остальные члены были замѣнены новыми, такъ какъ и строитель зданія, архитекторъ М. Ю. Арнольдъ, оставилъ свою должность еще въ концѣ 1881 г. и на его мѣсто былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія инженеръ архитекторъ П. П. Нарановичъ.

При такихъ перемѣнахъ въ составѣ комитета во многомъ осложнялась дѣятельность Василя Марковича и неоднократно при свиданіи во время поѣздовъ изъ Казани въ Томскъ и обратно, черезъ Тобольскъ, онъ передавалъ мнѣ всѣ подробности тѣхъ тяжелыхъ условій, при которыхъ часто приходилось ему работать.

Не легко было и добрейшему Ивану Ивановичу Красовскому вести сложное дѣло управления и хозяйства губерніи при разстроенномъ, распущенномъ наслѣдствѣ, какое онъ получилъ отъ своего предшественника. Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ Томскѣ и бессильнымъ въ постоянной борьбѣ съ мѣстными интригами, почему 30 января 1885 г. писалъ мнѣ въ Тобольскъ, какъ къ лицу, наиболѣе ему близкому въ Сибири и знакомому еще по Московскому университету:

„Сегодня день моего ангела, а потому подѣлюсь покровительствомъ его я обращаюсь къ Вамъ, мой ангелъ, мой любимый студентъ, съ величайшей просьбой: спишитесь по телеграфу, но только безъ упоминанія моего имени, съ Н. Н. Пѣтуховымъ, не согласится ли онъ перейти въ Тобольскъ на Ваше мѣсто, а Вы не броситесь ли въ мои знакомыя Вамъ издавна обѣщанія.—Писать неудобно, ссоры нѣтъ, но сору много. Увѣряю Васъ въ томъ, что Васъ встрѣтятъ здѣсь, какъ родного. Мнѣ же Вы сдѣлаете просто жизнь покойную, счастливую и даже, можетъ быть, болѣе продолжительную. Кланяюсь Вашей супругѣ и скажите ей, что это I—она, а это—я, лежу у ея ногъ и умоляю воздѣйствовать на Васъ“.

Принявъ ранѣ предложеніе Степного генераль-губернатора Г. А. Колпаковского перейти на должность вице-губернатора въ Омскъ, я не могъ исполнить желаніе И. И., предчувствовавшего непродолжительность своей жизни въ Томскѣ: 24 іюня 1885 г. онъ скоропостижно скончался отъ апоплексическаго удара, вызваннаго постоянными служебными огорченіями. Ненормальныя условія жизни, въ

которыхъ находился въ то время Томскъ по бездѣйствію и распушенности мѣстной администраціи, ярко и справедливо охарактеризовывались тогда же Н. М. Ядринцевымъ въ издаваемомъ имъ „Восточномъ Обзорѣніи“. Въ статьѣ „Наканунѣ открытія Сибирскаго университета“ (31 января 1885 г.) Ядринцевъ писалъ: „Обозрѣвая Сибирь, мы видимъ повсюду проблески жизни, видимъ, какъ выдвигается молодая интеллигенція. Томскъ въ этомъ случаѣ самый отсталый, общество его апатичное и равнодушное, погружено въ личные интересы. Мало того въ Томскѣ скопилось столько безнравственныхъ элементовъ, и элементовъ въ высшей степени вредныхъ для моральнаго развитія общества, что становится страшно. Томскъ сталъ средоточіемъ, куда, благодаря ссылкѣ, собрались всѣ герои ошельмованной адвокатуры и всѣ герои черной банды, они проникли въ высшее общество и заправляютъ городомъ. Едва ли это будетъ благопріятно для будущаго университета, если эти господа будутъ фигурировать при открытіи университета и съ своимъ собственнымъ имъ пронырствомъ. Кажется, надо пожелать, чтобы къ открытію университета эта „черная банда“ была бы выслана изъ Томска“.

Назначенный на мѣсто И. И. Красовскаго, Томскимъ губернаторомъ А. Г. Анисѣинъ, пробывъ въ должности всего полтора года, по пассивному отношенію къ дѣлу, оставался какъ бы безучастнымъ свидѣтелемъ всего того, что творилось въ губерніи и ея учрежденіяхъ, а потому, естественно, условія томской жизни, охарактеризованной Ядринцевымъ, ни только не улучшились за время этого губернаторства, но даже во многомъ ухудшились по развившемуся взяточничеству. Только съ назначеніемъ Томскимъ губернаторомъ А. И. Лакса, человѣка дѣятельнаго, умнаго, который заботился оградить населеніе отъ произвола мѣстной власти и, по возможности, упорядочить мѣстную администрацію, водворился нѣкоторый порядокъ въ Томской губерніи.

Къ сожалѣнію, губернаторство А. И. Лакса было весьма кратковременно, всего 10 мѣсяцевъ, такъ какъ онъ умеръ въ началѣ 1888 г. въ Томскѣ.

1-го іюля 1885 г. учрежденъ былъ Западно-Сибирскій учебный округъ, въ составъ котораго входили губерніи Тобольская и Томская и области—Акмолинская, Семипалатинская и Семирѣченская и первымъ попечителемъ былъ назначенъ Василій Марковичъ Флоринскій.

При новой обширной служебной обязанности В. М. все таки оставался наиболѣе преданнымъ своему дѣтищу—Сибирскому университету, наблюдая за ходомъ сооруженія и приводя въ порядокъ приобрѣтенныя и жертвуемыя библіотеки и вклады для будущихъ музеевъ.

Положеніе дѣлъ въ среднихъ и низшихъ школахъ губерній Западной Сибири и областей Степного Края, входившихъ въ составъ новаго учебнаго округа, оставалось въ главныхъ чертахъ неизмѣннымъ, скорѣе можно было замѣтить неблагопріятныя для школьной жизни явленія: живое, заботливое отношеніе къ школѣ, какое проявляли такіе выдающіеся администраторы, какъ бывшій генераль-губернаторомъ Западной Сибири Н. Г. Казнаковъ и бывшій Семирѣченскій губернаторъ, впослѣдствіи генераль-губернаторъ Степного Края Г. А. Колпаковскій, замѣнилось мертвою педантичною зависимостью школы отъ окружнаго учебнаго начальства.

В. М. всѣ заботы о средней и низшей школѣ возлагалъ на окружныхъ инспекторовъ.

Въ этотъ періодъ времени В. М. увлекался археологическими изысканіями, интересовался и результатами производившихся мною раскопокъ курганныхъ могильниковъ и городищъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Тобольска и по бассейнамъ рр. Иртыша и Оби.

Посѣщая проѣздомъ Тобольскъ и Омскъ, В. М. неоднократно осматривалъ мою археологическую коллекцію, увлекаясь широкими обобщеніями.

Собранная мною, лично руководимыми раскопками, археологическая коллекція, заключавшая нѣсколько сотенъ предметовъ, относящихся къ доисторической эпохи въ Сибири, пожертвована была мною Томскому университету.

Только черезъ 8 лѣтъ послѣ закладки, 22 іюля 1888 г., въ день тезоименитства Государыни Маріи Феодоровны состоялось торжественное открытіе перваго въ Сибири „Императорскаго Томскаго университета“ въ составъ одного медицинскаго факультета, порученнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Василию Марковичу Флоринскому, какъ попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа ¹⁾.

¹⁾ На новый университетъ распространялись дѣйствія общаго университетскаго устава 1884 г.; Министру народнаго просвѣщенія представлено было право разрѣшать пріемъ въ число студентовъ новаго университета также и воспитанниковъ духовныхъ семинарій, послѣ установленнаго для нихъ повѣрочнаго испытанія.

Историческая важность этого дорогого для Сибири дня живо чувствовалась, какъ Томскимъ городскимъ обществомъ, такъ и всею интеллигенціею Сибири; официальной помпы при этомъ торжествѣ было болѣе, чѣмъ при закладѣ, т. е. болѣе было получено телеграммъ и адресовъ, больше съѣхалось представителей отъ городовъ и обществъ, но, однако, не было замѣтно того наивнаго любовнаго увлеченія, захватывавшаго неофициальную публику, какъ это было въ 1880 г. при закладѣ.

Торжество открытія началось въ 2 часа дня благодарственнымъ молебномъ отслуженнымъ въ университетской церкви преосвященнымъ Исаакіемъ, епископомъ Томскимъ и Семипатинскимъ. По окончаніи молебствія преосвященный сказалъ попечителю округа прочувствованное слово, въ которомъ указалъ на заслуги В. М. Флоринскаго по отношенію къ возникающему университету, много обязанному его трудамъ и заботамъ.

Послѣ молебствія въ актовомъ залѣ, по объявленіи Высочайшаго повелѣнія объ открытіи Императорскаго Томскаго университета, В. М. Флоринскимъ произнесена была торжественная рѣчь, въ которой онъ указывалъ, что *„День рожденія Томскаго университета мы имѣемъ право считать счастливейшимъ днемъ изъ всего трехсотлѣтняго существованія Сибири и великимъ праздникомъ всего русскаго просвѣщенія“*.

„Да сіяетъ Томскій университетъ на восточной окраинѣ нашего дорогого отечества, какъ восходящее солнце, оживляя и согрѣвая своими теплыми лучами нравственную атмосферу холодной Сибири. Пусть откроетъ онъ въ нѣдрахъ народной жизни источники новыхъ дѣятельныхъ силъ и докажетъ потомству, что, при помощи свѣта, правды и разума, можно превратить страну ссылки, скорби и запустѣнія въ благоустроенную и равносильную съ остальными русскими областями, нераздѣльную часть великаго Русскаго государства“. Національное самосознаніе, какъ плодъ духовной возмужалости русскаго народа, какъ залогъ самостоятельности русской мысли и русской науки, должно лечь на основу нашего высшаго учебнаго заведенія *„Будемъ же помнить и ежегодно праздновать нынѣшній, счастливый для Сибири день, какъ день духовнаго возрожденія“*.

Послѣ рѣчи были прочитаны полученные въ день торжества многочисленныя привѣтствія новому университету отъ

Наслѣдника, отъ Великихъ князей Константина Николаевича и Михаила Николаевича. Далѣе были прочитаны телеграммы отъ Министровъ—внутреннихъ дѣлъ, графа Д. А. Толстого и народнаго просвѣщенія, И. Д. Делянова, отъ всѣхъ русскихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, отъ многихъ ученыхъ обществъ Европейской Россіи и Сибири и т. д. Затѣмъ, по произнесеніи небольшой привѣтственной рѣчи профессоромъ А. М. Маліевымъ, правительствомъ канцеляріи попечителя Г. С. Томашинскимъ была прочитана, составленная ко дню торжества историческая записка о возникновеніи въ Сибири университета. Актъ закончился пѣніемъ „Достойно есть“, послѣ чего публика разошлась подъ звуки торжественнаго марша, сочиненнаго однимъ изъ мѣстныхъ любителей-музыкантовъ въ честь открытія университета. Вечеромъ зданіе университета было роскошно иллюминировано, а въ саду военного лагеря было устроено народное гулянье.

24 іюля въ залахъ ремесленнаго собранія городъ давалъ обѣдъ съѣхавшимся гостямъ по случаю совершившагося торжества. За дружеской бесѣдой всѣхъ объединяла мысль, что въ Сибири есть теперь давно желанный умственный центръ, вокругъ котораго вся интеллигенція Сибири можетъ честно и мирно группироваться во имя общаго блага.

Въ этотъ день попечителемъ Западнаго Сибирскаго учебнаго округа была получена отъ Министра народнаго просвѣщенія телеграмма слѣдующаго содержанія: „На всеподданнѣйшей телеграммѣ вашей по случаю открытія университета Государь Императоръ изволилъ собственноручно начертать: *«Дай Богъ, чтобы Сибирскій университетъ оправдалъ мои ожиданія»*.“

Точно также была получена привѣтственная телеграмма отъ имени Императрицы Маріи Феодоровны посланная завѣдующимъ собственною Ея Императорскаго Величества Канцелярією.

Учебныя занятія открылись въ новомъ университетѣ 1-го сентября 1888 г., привѣтствуя въ этотъ день первыхъ студентовъ и всю университетскую коллегію съ новою духовною жизнью, Василій Марковичъ, обращаясь къ студентамъ, говорилъ: *«лучшую половину своей жизни я съ увлеченіемъ посвятилъ Томскому университету и потому не могу иначе смотреть на васъ, какъ на олицетвореніе и на вѣнцы моихъ трудовъ»*.—*«Любите свою alma mater, любите*

университетскую науку съ увлеченіемъ юношескаго любознательнаго ума, любите чистымъ сердцемъ «не мудрствуя лукаво», вашу дорогую родину и ея Верховнаго Вождя и будьте увѣрены, что въ этомъ вы найдете ваше счастье и прочный залогъ вашей будущей полезной дѣятельности».

Въ число первыхъ студентовъ было принято 72 чело-вѣка, изъ которыхъ большинство, 40, были изъ воспитанниковъ разныхъ духовныхъ семинарій Сибири и Европейской Россіи, 30 были воспитанники сибирскихъ гимназій, преимущественно сибирскіе уроженцы, и 2 перешли изъ другихъ университетовъ.

27 августа того же 1888 г. произошло открытіе дома общежитія на 100 чело-вѣкъ.

Съ момента открытія университета началась для него сѣрая будничная жизнь.

Сибирское общество и печать посвященная интересамъ Сибири во главѣ съ Н. М. Ядринцевымъ, какъ будто перестали интересоваться университетомъ обезкураженные открытіемъ только одного факультета изъ числа четырехъ, ранѣе обѣщанныхъ, что, вмѣсто учрежденія, разрабатывающаго науку во всемъ ея разнообразіи, давало Сибири одну только медицинскую школу.

Десятилѣтнее затѣмъ существованіе одного медицинскаго факультета давало поводъ общественному мнѣнію въ Сибири приписывать Василию Марковичу Флоринскому личное нерасположеніе открывать другіе факультеты. Непріятно также дѣйствовали на сибирское общество доходившія до него извѣстія о столкновеніяхъ попечителя съ профессорами. Возникавшую рознь между В. М. и корпораціею профессоровъ объясняли тѣмъ, что округъ хотѣлъ видѣть въ профессорахъ не ученыхъ, двигающихъ науку, а обучателей. Отсюда будто бы происходило то, что В. М. всегда имѣлъ нелады съ самыми лучшими профессорами, съ такими какъ Н. А. Гезехусъ, А. С. Доггелъ, С. И. Коржинскій, Э. Г. Салищевъ. Обвиняли также В. М. въ томъ, что онъ болѣе всего старается создать себѣ репутацію строгаго приверженца устава 1884 г., подавляя въ университетѣ всякое проявленіе живой научной силы, вслѣдствіе чего будто бы ни въ какомъ другомъ русскомъ университетѣ свобода преподаванія не стѣсняется такъ какъ въ Томскомъ университетѣ, и ученая дѣятельность этого университета исключительно замыкается въ тѣсныя академическія рамки.

Всѣ эти стѣсненія были причиною того, что тѣ научныя силы, которыя имѣли возможность оставить Томскій университетъ, бѣжали изъ Сибири въ Россію.

Сибирская пресса преданная мѣстнымъ, областнымъ интересамъ, отмѣчая многія неблагопріятныя явленія въ жизни университета за время попечительства В. М. Флоринскаго, относила причину ихъ возникновенія къ тому, что Томскій университетъ началъ жизнь свою съ устава 1884 г. и не зналъ устава 1863 г., почему ему не суждено было образовать традицію прежняго либеральнаго режима, а молодая корпорація профессоровъ, не имѣвшая преданій стараго режима, не могла давать въ нужныхъ случаяхъ дружный отпоръ личнымъ капризамъ попечителя.

Такая исторія университета, за время попечительства В. М. Флоринскаго, по заявленію той же мѣстной сибирской печати, конечно, не могла окончательно уничтожить въ сибирскомъ обществѣ интереса къ учрежденію, но она была въ состояніи пошатнуть убѣжденіе въ существованіи духовной связи университета съ мѣстнымъ обществомъ; послѣднее уже не могло думать, что слава университета даетъ право мѣстному обществу гордиться имъ, и что, наоборотъ оно должно стыдиться, если окажется, что Сибирскій университетъ хуже другихъ русскихъ.

Всѣ слухи, распространявшіеся въ Сибирскомъ обществѣ о неурядицахъ и несогласіяхъ во внутренней жизни университета, а также рѣзкія сужденія мѣстной Сибирской прессы, въ особенности о распорядкахъ и о дѣятельности ученыхъ обществъ, соприкасавшихся къ университету, глубоко западали въ душу Василія Марковича, огорчая его и подрывая его здоровье.

Особенное свое недовольство В. М. выражалъ по поводу статьи профессора Томскаго университета, Э. Г. Салищева, помѣщенной въ „Archiv Klin. Chirurgie“ за 1897 г. и въ выдержкахъ обошедшей страницы всей русской общей и медицинской прессы, обрисовывавшей незавидное положеніе Томскихъ университетскихъ клиникъ, въ особенности госпитальной и хирургической. Всѣ подобныя статьи, указывавшія на недостатки медицинскаго преподаванія въ Томскомъ университетѣ В. М. принималъ какъ бы за нападки на его личную дѣятельность.

О многихъ прискорбныхъ и нежелательныхъ явленіяхъ въ университетской жизни В. М. неоднократно высказывалъ

мнѣ свои соболѣзнованія при встрѣчахъ въ Омскѣ, особливо его всегда огорчали всякія репрессивныя мѣры, какія онъ вынуждаемъ былъ принимать по отношенію къ тѣмъ изъ учащихся, которые попадали подъ полицейскій надзоръ и признавались „политически неблагонадежными“.

Много жаловался мнѣ В. М. на распоряженія Томской администраціи, вторгавшейся съ своимъ полицейскимъ усмотрѣніемъ въ жизнь студенческой учащейся молодежи. Со времени закладки университета и въ продолженіе перваго десятилѣтія существованія университета, т. е. въ теченіе 18-лѣтняго пребыванія Василія Марковича въ Сибири, Томская губернія имѣла 7 губернаторовъ: В. И. Мерцалова, И. И. Красовскаго, А. Г. Анисина, А. Н. Лакса, А. П. Булюбаша, Г. Г. Тобизена, А. А. Ломачевского, кромѣ исправлявшихъ въ разное время должности губернаторовъ въ періоды такъ-называемыхъ междуцарствій, при вакантности должности.

Каждый изъ этихъ многочисленныхъ, быстро смѣнявшихся администраторовъ, относился къ юному университету по своему. Были такіе, которые не признавали необходимости университета въ Сибири, находя созданіе его только затрудняющимъ управленіе, нѣкоторые охарактеризовали Томскъ ядромъ опаснаго политически неблагонадежнаго элемента, и оттуда несомнѣнно происходили всѣ замедленія въ открытіи новыхъ факультетовъ и вообще разныя препятствія къ расширенію ученой и учебной университетской дѣятельности.

30 августа 1898 г. В. М. выѣхалъ изъ Томска въ С.-Петербургъ въ отпускъ съ тѣмъ, чтобы отдохнуть отъ своихъ долговременныхъ трудовъ и поправить расшатанное здоровье. Изъ Петербурга, уже совершенно больной онъ имѣлъ утѣшеніе привѣтствовать открытіе юридическаго факультета, состоявшееся 22 октября 1898 г., слѣдующею телеграммою: „Душевно поздравляю дорогой мнѣ Томскій университетъ, желаю ему дальнѣйшаго процвѣтанія на почвѣ мира и взаимнаго согласія, столь необходимыхъ для научнаго прогресса, горячо привѣтствую съ открытіемъ давно желаннаго юридическаго факультета“. Совѣтъ Томскаго университета, во главѣ съ ректоромъ, профессоромъ А. И. Судаковымъ, исправлявшимъ обязанность попечителя округа, съ своей стороны, привѣтствовалъ телеграммою В. М. въ С.-Петербургѣ: „Вспоминая Ваши труды по устройству Томскаго университета, Вашу любовь къ этому учрежденію и твердую вѣру

въ блестящую будущность отдаленнаго Сибирскаго края, на служеніе коему Вы посвятили 16 лѣтъ Вашей жизни, Совѣтъ университета вмѣняетъ себѣ въ особенное удовольствіе довести до свѣдѣнія Вашего о совершившемся радостномъ для всѣхъ насъ и для Васъ событіи“.

Вся печать, посвященная интересамъ Сибири, радостно привѣтствовало давно желанное событіе объ открытіи въ Томскомъ университетѣ юридическаго факультета, признавая, что „Сибирскій медицинскій институтъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы стать настоящимъ полнымъ университетомъ“.

Не долго пришлось радоваться Василю Марковичу научному росту его дѣтища, предвѣщающему выполненіе завѣтной его идеи о широкомъ, всеобъемлющемъ, Сибирскомъ университетѣ: болѣзнь приковала его къ Петербургу и 3-го января 1899 г. онъ скончался отъ астмы, на 65-мъ году жизни, въ „Сѣверной гостинницѣ“, откуда смертные останки его препровождены были въ Казань для преданія ихъ „вѣчному упокоенію“. Посвятивъ лучшую половину своей жизни созиданію Сибирскаго университета, Василій Марковичъ въ тотъ же періодъ времени ревностно отдавался изученію и изслѣдованію Сибири въ научномъ, историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ, обогативъ сибирскую научную литературу многими трудами.

Полная и совершенная оцѣнка заслугъ Василя Марковича, въ особенности Сибири, которую онъ считалъ своею родиною и которой онъ отдалъ всю свою жизнь и энергію, принадлежитъ исторіи, въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ его памяти, я имѣлъ въ виду освѣтить только тѣ стороны его жизни, какъ исторической для Сибири личности, которые мнѣ извѣстны по перепискѣ и по совмѣстной служебной и научной дѣятельности.

Глубоко вѣря въ искренность увлеченія Василя Марковича, тѣми идеалами, которые онъ ставилъ въ основу своей дѣятельности при началѣ трудной созидательной работы, посвященной первому Сибирскому университету, съ пожеланіемъ „чтобы университетъ былъ не казеннымъ только созданіемъ, а живымъ выразителемъ мѣстной жизни, свободнымъ проявленіемъ нравственныхъ народныхъ силъ“ и „чтобы Сибирскій университетъ, какъ единственный изъ университетовъ, созданный у насъ не столько по инициативѣ правительства, сколько по желанію самаго общества, былъ бы университе-

томъ народнымъ“ —я считаю всѣ свѣдѣнія, проникавшія въ общество и въ печать, о стремленіяхъ, какими будто бы руководствовался В. М., по личной своей инициативѣ, стѣснять всякое свободное проявленіе умственной научной жизни Сибирскаго университета, весьма мало обоснованными.

Несомнѣнно, всѣ печальныя стороны внутренней жизни перваго Сибирскаго университета, должны находить себѣ объясненія въ томъ общемъ угнетенномъ укладѣ русской жизни, въ которомъ она находилась въ продолженіе всего послѣдняго двадцатилѣтія.

Къ торжеству всей Сибири и тѣхъ дѣятелей, имена которыхъ исторически связаны съ учрежденіемъ перваго Сибирскаго университета, численный составъ учащихся въ Томскомъ университетѣ постепенно растетъ и ученая дѣятельность его развивается, несмотря на функціонированіе въ немъ только двухъ факультетовъ и на многія еще несовершенства въ его научномъ благоустройствѣ.

Уже къ 1-му января 1904 г. студентовъ въ Томскомъ университетѣ было 665 человекъ, распредѣлившихся въ процентномъ отношеніи по сословіямъ: духовнаго 47⁰/₀, дворянскаго (чиновничьяго) 19⁰/₀, мѣщанскаго 18, крестьянскаго 6⁰/₀, купческаго 6⁰/₀, казачьяго 2⁰/₀, остальныхъ сословій 2⁰/₀. Со времени своего существованія по 1904 г. университетъ далъ врачей (11 выпусковъ) 478 и юристовъ (2 выпуска) 97.

При университетѣ имѣются стипендіи: 20 казенныхъ и 54 частныхъ. Стипендіальныхъ капиталовъ къ 1-му января 1904 г. было 475.856 руб. 21 к.—Капиталовъ на выдачу пособій и ссудъ къ тому же времени было 24,927 руб. 45 к. Стипендіями пользовались въ продолженіе послѣдняго отчетнаго года 103, пособиями 205 студентовъ. При университетѣ 2 студенческихъ общежитія, въ которыхъ помѣщается, въ первомъ 75, во второмъ 112 человекъ.

Въ Томскій университетъ, какъ видно изъ отчетовъ, стремятся бѣдняки, преимущественно дѣти мало-состоятельнаго духовенства изъ Сибири и, въ значительной части, изъ Европейской Россіи, остальной же контингентъ студентовъ, за ограниченнымъ составомъ земледѣльческаго класса и за неимѣніемъ въ Сибири крупнаго помѣстнаго дворянства, составляется изъ дѣтей нуждающагося чиновничества, мѣщанства и крестьянства, громадное большинство которыхъ нуждается въ матеріальной помощи.

При такомъ составѣ учащихся, съ оказаніемъ огромному большинству матеріальнаго пособія и съ освобожденіемъ отъ

платы за слушанія лекцій, Томскій университетъ, дѣйствительно, является истинно народнымъ университетомъ.

Надо желать, чтобы Императорскій Томскій университетъ не останавливался въ своемъ дальнѣйшемъ ростѣ и чтобы скорѣй осуществился планъ открытія всѣхъ четырехъ факультетовъ, что составляло завѣтное стремленіе его устроителя Василия Марковича Флоринскаго.

Въ особенности расширеніе учебной и научной дѣятельности университета необходимо теперь Сибири, какъ для общеобразовательнаго ея подъема въ виду призыва ея къ земской дѣятельности и къ представительству въ обще-государственномъ управленіи, такъ и для всесторонняго развитія всѣхъ жизненныхъ силъ ея въ видахъ созданія могущественнаго *культурнаго* оплота Русскому Государству на Азіатскомъ Востокѣ.

А. Дмитріевъ-Мамоновъ.